

ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН ПОВТОРЯТЬ ИСТОРИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Газета «Умс» (г. Новосибирск) опубликовала лекции профессора НГПИ Валерия ТЮПЫ «О концепции гуманитарного образования». Смысл этой концепции не нов, но, думается, не каждый с ней знаком. Печально только, что газета «Пермский университет» публикует мысли новосибирского ученого, не дождавшись, когда по вопросам системы образования и обучения высказываются наши университетские специалисты...

Начну с утверждения: необходим альтернативный университет. Прежде всего, государственные структуры инертны: трудно что-либо менять, а менять есть что. Во-вторых, студент в университете — нулевая административная структура, а хотелось бы установить связь: учитель-ученик. Далее, государственное образование рассчитано на массовый выпуск специалистов, а нам нужны уникальные специалисты. Мне известно, что в Англии и Франции нагрузка у преподавателей составляет 4 часа в неделю, у студентов — 12, у нас же преподаватель загружен на 12 часов, студент — в среднем на 30. Кроме того, в независимом университете должны быть поставлены на первое место иностранные языки. На этих принципах должен быть организован альтернативный университет.

Рассказ о гуманитарном образовании мне хотелось бы начать с модели четырех модусов сознания.

Развитие педагогики должно быть увязано со ступенями сознания. На первом этапе: действующий, как я, как другой. На втором этапе — культ знаний: есть твердая система знаний, которую надо усвоить. На третьем этапе — специализация, важно выявить индивидуальные способности. И, наконец, на последнем этапе — культура конвергентного сознания: общение между учителем и учеником как диалог культур. Слово «диалог культур» ассоциируется у нас со «школой

диалога культур» Библиера: внутри каждой личности возникает диалог культур, охватывается универсум. Библиер идет вслед за Бахтиным, но прочитывает его по-своему — внепричастная необходимость: узнавать другого в себе и себя в другом.

Замечено, что мышление человека сильно зависит от пространственной аудитории: круглый зал и сверху лектор-завершенность; преподаватель снизу, за столом — студенты берут, что хотят; плоская аудитория, столы на равном расстоянии от центра — начало общения между учителем и учеником, «культура откровения». Знание приходит не только тогда, когда кто-то рассказал, а я узнал, но и в процессе художественного вос-

приятия: знал всегда, но не мог выразить (это как бы другое во мне).

Сделав такую большую вводную часть, на примере литературы в средней школе покажу концепцию образования. В существующей системе преподавания литературы нет научно обоснованного выбора материала: сначала материал распределится, исходя из возрастных особенностей, потом — в хронологическом порядке. В новой концепции предполагается в обучении литературе воспроизводить культурные возрасты. На первом этапе каждого можно научить писать стихи. Ученикам 5 класса это кажется совершенно естественным, они даже ориентируются на соревновательность. Затем переходим к следующей ступени — целостности. (У Библиера, например, на каждой ступени свои тексты: начальная школа соответствует античности — даются, как можно больше, античные — в т. д.) Последняя ступень — деловая игра, театр; нужно поставить роман, лирическую поэму. Ученики должны увидеть текст изнутри, через роль актера, литконсультанта, эксперта. Здесь говорится то, что внутри себя, но как бы не от своего имени, а от имени роли. В результате все участники нащупывают что-то общее, и в то же время — каждый что-то свое. И здесь начинается поиск точки конвергентности.

Это, конечно, не полная концепция гуманитарного образования, но мне показалось важным остановиться на некоторых исходных моментах организации учебного процесса в новом университете.

ПОСЧИТАЛИ — ПРОСЛЕЗИЛИСЬ?

В годы застоя очень любили рассказывать пессимистический анекдот. Идет Брежнев по базару, а за прилавком кавказец арбуз продает. «Можно арбуз купить?» — интересуется Леонид Ильич. «Можно! Выбирайте!» — показывает кавказец на арбуз. «Как же можно выбирать, если арбуз один?» — спрашивает Брежнев. «Так ты же у нас тоже один — а мы тебя тоже выбираем».

Несколько дней назад для голосования предлагалось аж четыре арбуза. Привидя к процессу выборов заинтересованности явно прибавилось. Что свидетельствует если не о тухлости арбузов, то хотя бы об их ненужности.

Среди пермского студенчества преобладали следующие взгляды на голосование:

- Все они наверху сплочили;
- Те, кто манипулирует общественным сознанием, его уже сформировали, и глупо идти на пункт для голосования и с торжественной физиономией бросать в урну свои бумажки;
- В Америке умные люди гордятся тем, что они никогда в жизни не голосовали, а политику считают делом идиотов и психопатиков;
- Процессы в стране настолько неуправляемы, что будь наверху хоть Ельцин, хоть Чарли Чаплин — ничего не изменится;
- Мы им мешать не будем — пусть хоть они нам не мешают.

Итак, вот с такими мыслями студенты ПГУ ходили на голосование на пункт № 4. Там им предлагалось получить по четыре бюллетеня и почеркаться на них.

Итог оказался достаточно симптоматичным. Из 1683 списочных избирателей до пункта для голосования в химкорпусе всего 697 человек (41,4%). Остальные предпочли уехать домой или отметить день референдума традиционной воскресной общажной пьянкой.

Из пришедших все-таки на пункт для голосования некоторые предпочли взять бюллетени в качестве сувенира — надо думать, в скором времени вопрос «Доверяете ли вы Президенту» займет достойное место на обшарпанных стенках общаг. По крайней мере из выданных 697 бюллетеней три осели в студенческих карманах. Выразили доверие Президенту 567 человек (81,3%), недоверие 112 (16%). 15 бюллетеней признаны недействительными. Итак, слава богу, что в нашей студенческой среде хоть кто-то кому-то доверяет.

Высоко оценили студенты и политику Президента. Нравится она 532 человекам (всего бюллетеней нашли 693) и это составляет 76,8%. Так что тезис о студентах, обесивших в ходе перестройки — весьма сомнителен. «Нет» политике Ельцина сказали 148 человек, а недействительных бюллетеней нашли 13.

Третий вопрос (о досрочных выборах Президента) получил гордое студенческое «нет» — илску переизборов поддерживают лишь 169 человек (24,4%), зато 497 студентов высказались против. При этом недействительными признано аж 27 бюллетеней — то есть, они были либо исчерканы всякой похабщиной, либо зачеркнуты и с той, и с другой стороны.

А четвертый вопрос завершился ответом «да». Из 697 бюллетеней 578 (83%) хотят видеть новых депутатов. 104 человека сказали «нет», а 14 испортили бюллетени.

Выводы очевидны. Во-первых, пофигизм пермских студентов налицо. Во-вторых, Президента они любят. Политику его тоже. Но самое интересное состоит в том, что среди их педагогов расклад мнений был несколько иным — по крайней мере, немало приходилось в предвыборные дни слышать рассуждений преподавателей о неприятии Ельцина.

Один из студентов прокомментировал ситуацию так: «Если бы наш профессор не брюзжал и не брызгал слюной, обзывая Ельцина снолостью, я бы еще подумал, как голосовать. А так — свой выбор я сделал».

Этапы образования

Эпоха	Степень сознания	Педагогика
I Первообытное общество	МЫ — сознание, роевое сознание	Навыки
II До XIX века	Авторитетное сознание, ОН — сознание	Знания
III XIX век	Уединенное сознание, Я — сознание	Способности
IV XX век	Кошмар уединенного сознания, МЫ — сознание	«Культура»

ЭТИ СТРОКИ В ЛИЧНОМ ДЕЛЕ ПОДЧЕРКНУТЫ КРАСНЫМ...

В 1939 году после расформирования Дальневосточного университета, когда Владивосток был объявлен закрытым, Ивану Григорьевичу Шапошникову пришлось покинуть город. К тому времени он закончил аспирантуру физического факультета МГУ, где приобщился к кругу крупных физиков-теоретиков, защитил кандидатскую диссертацию и, возвратившись во Владивосток, работал заведующим кафедрой теоретической физики Дальневосточного университета.

В том же году по приглашению заведующего кафедрой Казанского университета С. А. Альтшулера Иван Григорьевич уехал работать в Казань и там начал свою деятельность в качестве заведующего кафедрой теоретической физики. А летом 1939 года И. Г. Шапошников призвали на действительную службу в армию. Научных работников в армию не брали, но Иван Григорьевич попал в Ворошиловский призыв, когда призывали на службу тех, кто имел отсрочки. В армии не нашли иного способа использовать возможности молодого ученого-физика, как назначить его библиотекарем.

Иван Григорьевич вспоминает:

— В НАЧАЛЕ войны в армии был полный развал. Я знаю по своему опыту: в нашем полку в разведку шли люди, не имевшие даже топографических карт местности.

Проходил службу я на Украине (в Николаеве и Одессе) и в Молдавии (в Тирасполе). Отступление в августе 1941 года было бегством.

Там, в Уманском окружении, перестали существовать наш полк и дивизия. Я решил самостоятельно пробираться к фронту, а где был фронт, никому не было известно. Сколько я пробирался, не помню точно, несколько недель шел от одного населенного пункта к другому. Принимали тогда в тех местах таких, как я, не ахти как любезно: где дадут поесть, где — нет.

В деревне Березовка, куда в один из домов я зашел попить, оказались румыны.

Они стали мне угрожать. Из-за незнания языка я не мог объясниться с ними. Спасла меня проезжавшая мимо машина с немцами — это были уже тыловые места. Я обратился к немцам на немецком языке. Появление немцев спасло меня, румыны бы меня сразу расстреляли. Отвезли меня в сборный пункт военнопленных.

Это была большая территория совхоза, никаких строений нет. Там оказалось колоссальное количество

таких, как я, людей. Есть давали столько, что долго не протянуть. Время от времени оттуда на машинах забирали людей в лагеря стационарные. В один из таких приезд попал и я. Увезли меня в небольшой лагерь в Бендерах: там железнодорожный вокзал и речной порт.

Для дальнейшей моей судьбы решающим оказалось то обстоятельство, что на том фронте тыловые немецкие войска по личному составу были в большинстве не немецкие, а австрийские, австрийцы же были значительно человечнее немцев и гораздо менее привержены фашизму.

События развивались следующим образом. Как на работе, так и в лагере, я много разговаривал с охраной (я знал немецкий язык). Меня слушали охотно, был большой интерес к нашей стране, было много вопросов (правда, среди них были и анекдотичные, например: а разве у вас есть университеты? или: а сколько у вас можно иметь жен?). Мне давали немецкие газеты, которые я читал и пересказывал товарищам по плену — разумеется, с соответствующими комментариями тех мест, где о нас говорился вздор, подобный приведенным выше вопросам, или где искажались те или иные факты. Эта моя деятельность была замечена начальством лагеря. Однажды увезли меня из этого лагеря без объяснений. Привезли в лагерь на Темводе в г. Николаеве. Это был не лагерь уничтожения, а рабоче-пересыльный лагерь. Там прямым ходом — в лагерную тюрьму. Допрашивали. Но никаких избиений не было. Обвинений было несколько: каким образом я, доцент, заведующий кафедрой, мог быть в армии простым ефрейтором, не офицером, не политработником? Меня спасло, что там в лагере, были люди из нашего полка, которые подтвердили мое звание. Читал немецкие газеты и использовал данные для ориентации военнопленных — но что в этом плохого?

Если бы лагерем управляли немцы, а не австрийцы — меня не было бы в живых на следующий день.

МНЕ предложили стать переводчиком в лазарете для военнопленных. Это был решающий момент. Мы уже все тогда числились предателями и после возвращения из оккупированных мест попадали в лагеря нередко хуже немецких. Я знал, что меня ожидает по возвращении, но тем не менее согласился, в расчете на то, что смогу использовать свое положение переводчика, хотя бы для некоторого облегчения участи раненых и больных военнопленных, а может быть, и для подпольной патриотической деятельности.

В лазарете все наши и часто очень квалифицированные врачи, а начальник лазарета — австриец.

Русского языка он не знал. Мне удалось не допустить зверства, которые бытовали при прежнем переводчике, улучшить питание, снабжение медикаментами. Я начал присматриваться к врачам, чтобы, если найду людей, достойных доверия, создать патриотическую подпольную группу. Это удалось сделать. Сначала мы могли только использовать для ориентации в событиях войны наши газеты и журналы, которые привозили новые пленные. Позже, благодаря либерализму австрийского командования и моему привилегированному положению, я получил разрешение вместе с врачами, разумеется, под конвоем, выходить в город. Однажды в городе встретил знакомого человека, историка, доцента Тарасова, который попал под такой же Ворошиловский призыв, был ранен, оказался в городском лазарете военнопленных, после выздоровления был отпущен из плена, работал директором городского исторического музея. Благодаря этому контакту мне удалось установить связь с николаевской подпольной группой врачей. Это позволило мне выпускать из лагеря в город людей, которым я доверял. Техника побега из лагеря была элементарная: большие группы военнопленных каждый день под небольшим конвоем шли на работу в город, там без труда «терялись» те, кого я предварительно инструктировал. Я имел возможность получать документы: советские паспорта, немецкие документы, заменяющие паспорта. Такими документами я снабжал людей вместе с конкретными адресами. Еще один вид деятельности нашей подпольной группы: через николаевский лагерь проходило большое количество жителей Николаева перед отправкой в Германию на тяжелые работы. Их подвергали медицинскому освидетельствованию (немцы боялись «экспортировать» в Германию заразные болезни). Этим занимались врачи нашей группы. Нам удалось не одну сотню людей спасти от угона в Германию.

А ПОТОМ группе нашей пришлось время самой уходить. Немцы, уходя, забирали своих «помощников». Лагерь находился на берегу реки, на другом — Николаев. Люди из городской группы обеспечивали подку, а там — конкретные адреса. Меня при побеге снабдили немецкой формой, немецкой винтовкой. В Николаеве в течение полутора-двух недель скрывался вместе с другими в заранее подготовленном убежище. Когда наши войска пришли, мы все вышли на поверхность.

Насколько я знаю, все пошло по

той дороге, о которой я вам говорил, а я — нет. Я пошел в «СМЕРШ» — это воинская контрразведка, там рассказал все о себе. Там о моей подпольной деятельности было известно, знали об этом и в НКВД. Через два — три дня я уже был заведующим кафедрой физики в Николаевском пединституте (у меня даже сохранилась бумажка, обрывок какого-то документа, на которой от руки написано соответствующее распоряжение Николаевского обкома). Даже несколько семинаров провел с сотрудниками. А потом я почувствовал, что надо мной сгущаются тучи, и надо бы мне из Николаева куда-то исчезнуть. Дело в том, что нашлись люди (где и когда их нет?), которым показалось соблазнительным проявлять бдительность (а может быть, просто улучшить свое положение) путем шантажа тех, кто «пригрел неблагонадежного».

Я связался по почте с коллегами, друзьями из Свердловска, Москвы, Казани. И нужно отдать должное ректору Казанского университета. Возможно, он ощутил чувство вины за то, что не сохранил меня от Ворошиловского призыва; он принял меня в университет, хотя у меня не было, разумеется, паспорта. Там я принял участие в исследованиях группы Е. К. Завойского по радиоспектроскопии, с тех пор это стало одним из моих основных научных направлений.

Четыре года я проработал заведующим кафедрой теоретической физики. И снова стали сгущаться тучи, по той же причине, что и в Николаеве. Я находился в Москве в длительной научной командировке. И там получил письмо от знакомого физика из Казани, в котором он сообщал мне, что я уволен из Казанского университета. У меня сохранился полный текст приказа: «Заведующего кафедрой теоретической физики И. Г. Шапошникову уволить для приведения в соответствие штата кафедры». Я вернулся в Казань. Некоторое время работал на половине ставки в Казанском физико-техническом институте, потом почувствовал, что и здесь меня тоже увольт «для приведения в соответствие штатов». Я написал в несколько университетов и институтов, но — безуспешно. Ответы приходили стандартные: отказ прямой или малоразумительные отговорки.

УЗНАВ, что Петр Ефремович Степанов (с которым я был в аспирантуре у Леонидовича) в Перми, я написал ему. Ответ был короткий: «приезжай». Приехал в Пермь. Помню наш со Степановым первый визит к ректору, Александру Ильичу Букиреву.

Это был не только высококвалифицированный ученый, это был Человек, участник войны на Халхин-Голе. Он посмотрел на мое заявление, вижу: глазами — там, где я описываю свою службу в армии. Я открыл рот для объяснения, он меня прерывает: «Это меня не интересует, а вот сотрудник Степанов характеризует Вас как высококвалифицированного физика. Мы вас принимаем». Это был май 1948 года. С тех пор я в Пермском университете.

В первый год пришлось читать все курсы теоретической физики. Вообще в первые годы работать было тяжело. Но работа доставляла радость, и сделано было много. И это главным образом не потому, что был сравнительно молод, а потому, что оказался в благоприятной человеческой атмосфере, сохранившейся вопреки порокам тогдашней жизни в стране. За это — большое спасибо Перми и Пермскому университету.

Вот здесь, наверное, можно поставить точку в военном периоде жизни Ивана Григорьевича Шапошникова, профессора, доктора физико-математических наук, заслуженного деятеля науки России. Его имя стало легендой и достоянием не только физического факультета ПГУ. Имя Ивана Григорьевича Шапошникова широко известно и за рубежом. В его личном деле — названия 15 стран, где Иван Григорьевич был на преподавательской работе, по научному обмену, в качестве эксперта, участника Международных конференций, симпозиумов.

И сам собой отпал вопрос, почему Иван Григорьевич не стал членом партии. Об этом красноречиво говорят подчеркнутые красным карандашом в автобиографии строки о периоде 1941 — 44 гг.

Сейчас Иван Григорьевич говорит о том времени спокойно, но чего стоит это спокойствие. И только догадываться можно, сколько в свое время ему пришлось выслушивать вопросов, упреков, предположений в свой адрес. Страшно подумать, что биография ученого-физика могла прерваться тогда, в 1941 году.

Уже в 60-е годы авторитет физика-теоретика Ивана Григорьевича был признан, и он мог уехать куда угодно, но он и не думал о том, что где-то может остаться.

У Ивана Григорьевича есть ученики за рубежом. В характеристике И. Г. Шапошникова отмечено: «педагог, в совершенстве владеющий предметом».

— Наша кафедра стала «загранично ездящей». Я горжусь нашей кафедрой — это специалисты самого высокого уровня. Радует и очень высокий уровень человеческого, душевного общения. Кафедра существует уже сорок лет. Мои научные достижения? Трудно аттестовать самого себя. То, что я сделал в теории магнитных неравновесных процессов, представляет интерес.

Беседуя о том, что такое «хорошо жить», Иван Григорьевич говорит:

— Жизнь интересно, значимо, не только для себя, но и для других. Чтобы утром вставать с удовольствием.

Есть у Ивана Григорьевича партизанский билет Украины. Есть военные награды. В том числе и такие, которым он значения придает мало. Но есть и награды, которыми он очень дорожит. Это — медаль «За боевые заслуги» (за его подпольную деятельность), орден Отечественной войны I степени, орден Трудового Красного Знамени.

И. СОЛОВЕЙЧИК.

...И ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

На днях прочитали статью «Вот такая Любовь...» в газете «Пермский университет» № 7 и решили высказаться. Как мы поняли, Л. Лысанова умеет оправдываться, переводить разговор с одной темы на другую, а также искажать факты. Оказывается, виноваты студенты и газета, а не она.

Для того, чтобы разобраться, о чем действительно шла речь, с чего все началось и чем кончилось, мы решили рассказать историю от начала до конца.

Дело в том, что во время зимней сессии в нашем общежитии было вывешено объявление о том, что студенты, проживающие в общежитии, могут получить гуманитарную помощь в виде риса 8—11 февраля. В связи с тем, что в 5-ом общежитии проживают студенты механико-математического факультета, а каникулы на мехмате были в период с 1 до 15 февраля, большинство студентов не могли получить этот рис по причине отъезда домой.

Прошу подчеркнуть, что никакого объявления о том, что рис будет выдаваться три недели, не было.

В статье «Вот такая Любовь...» Л. Лысанова придумала свою версию, как все было: «...Он же (Ф. Симонов) приходил с Сашей Прокушевым 26 февраля с. г. в профком с просьбой выдать им рис. А как выразилась газета, встречный вопрос: «У вас что, крыша поехала?» не мог остановить их на пороге по причине, что он был занят студентами, стоящими в очереди за проездными билетами, и за порогом тоже стояли студенты — дверь была открыта. Думаю, что ребята об этом помнят. И я не радио слушала сидела, а работала, ответила, что надо было приходиться вовремя, когда рис выдавали, сейчас я занята другими делами. Тогда Федор С., стоя у стола, возмущился, что я ему должна и обязана выдать рис. Да кто нам его дал? Да сколько осталось? Да куда мы его дели? Вот теперь уместно упомянуть о крыше. И тут Федя в сердцах выпалил: «Оборзели».

Что же было на самом деле?

Честно говоря, в профком студентов 26 февраля мы пришли купить проездные билеты, ну и решили, между делом, спросить насчет риса.

(Заметим, что кроме нас, в профкоме никого за проездными не было).

Саша Прокушев сказал, что во время каникул выдавали рис, и поскольку мы уезжали из Перми, мы не смогли его получить. Будут ли его еще выдавать? «У вас что, крыша поехала?!» — возмутилась Л. Лысанова. Такого мы не ожидали услышать. «Я выдавала его три недели и больше выдавать не собираюсь», — продолжала она. «Но многие студенты наверняка не смогли получить рис. Интересно, куда же он делся?» — задал Саша встречный вопрос. «И вообще откуда мы знали, что рис выдавался три недели», — поддержал Ф. Симонов. И тут, на счастье Л. Лысановой, зашли три-четыре человека за проездными (на пороге и за порогом никакой толпы не было). Она сразу так занялась «работой», что перестала на нас вообще обращать внимание. Тогда, подумав, что она уходит от ответа, Саша спросил: «Почему вы нам не отвечаете?», она ответила: «Вы что, не видите, я работаю». На что Федя сказал: «Вроде бы мы пришли первыми, почему же должны ждать?» На это она ответила: «Ну тогда я вам вообще ничего не скажу!»

На этом диалог закончился. Замечу, что никаких фраз типа «Оборзели» Федя не выпаливал, как это пишет Л. Лысанова. Он это действительно сказал, но не в

профкоме, как написано у Л. Лысановой, а в разговоре с И. А. Соловейчик по поводу взаимоотношений между студентами и профкомом. А если кто-то не верит нам, спросите сотрудника газеты «ПУ» И. Соловейчик.

Нас очень возмутил тон, которым с нами разговаривали в профкоме, хотя мы для этого не давали никакого повода.

Выйдя из профкома, мы решили разобраться во всем этом и пошли к проректору по учебной части. (Кстати, если бы с нами нормально поговорили, вряд ли мы вообще куда-либо пошли). У проректора нам пояснили, что лучше всего собрать подписи студентов, не получивших рис, и написать заявление. Так мы и сделали. Но собрать подписи оказалось не просто. Сначала мы повесили объявление в общежитиях, чтобы студенты сами вписывались. В 5-ом общежитии уже успело вписаться более 50 человек, но списки кто-то сорвал во всех общежитиях. После этого мы решили сами пойти по 5-му общежитию и собрать подписи. Собрали более 150 подписей: при этом указывали, чтобы вписывались только те студенты, которые проживают в общежитии и хотят получить рис, который они не смогли получить во время каникул. При обходе мы выяснили, что некоторые студенты вообще не знали о гуманитарной помощи.

Написав заявление, мы решили обратиться к декану механико-математического факультета Александру Ивановичу Северуку, так как он всегда помогает студентам в трудную минуту. Он нас внимательно выслушал, прочитал заявление и сразу позвонил в профком. Ему сразу ответили, что рис сейчас «где-то» выдается. Интересно, почему стоило только ему позвонить, как рис сразу стали «выдавать». Оперативно работают в профкоме. Тут-то Александр Иванович и посоветовал нам обратиться в газету «ПУ», предварительно поговорив по телефону с И. Соловейчик. При этом Александр Иванович сказал, что это хороший специалист, и уже было немало случаев, где она разбиралась и находила истину.

На следующий день Ирина Анатольевна сама нашла нас и договорилась о встрече. К сожалению, Саша не смог присутствовать на встрече, на которой я рассказал вышесказанное. Ирина Анатольевна сказала, что мы не первые обращающиеся в редакцию по поводу поведения Л. Лысановой, и попросила зайти через неделю.

На этот раз нам показали черновики будущей статьи. Мы их прочитали и согласились с изложенным материалом, хотя потом оказалось, что там было несколько неточностей по поводу семи общежитий и двух комнат, занимаемых Л. Лысановой, но мы эти вопросы в своем заявлении не затрагивали.

После выхода статьи в свет ко мне домой пришла староста 5-го общежития Лариса Собынина. Разговор получился напряженный. Лариса просила зайти в профком поговорить с Л. Лысановой.

В профкоме на этот раз Л. Лысанову было не узнать. Всем своим видом она пыталась показать, какая она справедливая, приветливая и т. д.; в общем, все те качества, которыми ее наградили в статье «Рисовая каша». Возможно, для тех людей, которые подписались под той статьей, она такой и является, но у нас другое мнение на этот счет.

В разговоре с ней были затронуты следующие темы:

1. Л. Лысанова сказала, что она с нами частично согласна по поводу нашего заявления, но ни разу не уточнила, в чем именно. В статье «Вот такая Любовь...» все ее согласие выливается в единственную фразу: «Хотя, по-своему, может, и прав».

2. Оказывается, Л. Лысанова сама решила выдавать всем студентам гуманитарную помощь, а мы, такие неблагодарные, нападём на нее своим зря.

3. Я попытался успокоить Л. Лысанову, сказав, что по поводу ка-

чества риса к ней мы никаких претензий не имеем. Нельзя же все принимать на свой счет.

4. Л. Лысанова утверждала, что в статье материал весь (а не частично) анонимный, даже после того, как ей показали списки подписей (их более 150). А способ разрешения конфликта был прост: достаточно было спокойно и вразумительно ответить на наши вопросы. Тем более что через газету они все равно прозвучали. И никакого конфликта бы не было...

5. Оказывается, студентов не обещивают, а им дают больше, чем положено. Вообще-то нелегко запомнить фамилии незнакомых людей из такого количества студентов, проживающих в общежитии, однако Л. Лысанова называла по-фамильно тех, кому выдала риса больше, чем другим.

6. В конце нашей доверительной беседы мне сказали, что газета сваливает на нас всю ответственность за статью, мол, мы ее будто сами всю придумали. И для того, что бы мы с Сашей сохранили доброе имя, мы должны написать заявление о том, что наши требования касались только риса и ничего больше. Самое удивительное, что Л. Лысанова достала листок (образец или копию) того, что мы должны были написать. Л. Лысанова принялась было его читать, но я сказал, что никаких подобных заявлений мы писать не будем, а также добавил, что если вы хотите разобраться, кто в чем прав, а кто виноват — необходимо всем (профкому, газете, студентам) собраться и выяснить. Такой способ решения вопроса Л. Лысанову явно не устраивал.

Что касается статьи «Вот такая любовь...», не думаю, что кто-то воспримет ее серьезно — студенты особенно. Вся статья можно свести к одной фразе: «Проком — хороший, а студенты и газета плохие и неблагодарные».

Проком — это организация, которая должна защищать интересы студентов. Непонятно, чьи интересы защищает зам. председателя профкома студентов ПУ Л. Лысанова в своей статье?

Л. Лысанова предпочла свалить свою вину на студентов и газету через саму же газету. Очень нам понравилось последнее высказывание в статье Л. Лысановой: «Сопрешь — не померешь, да впрямь не поверят». Как в воду глядела.

Р. С. Поведение Л. Лысановой тяжело понять. В своей статье она пишет: «Предлагаю девочкам, которым рис на фиг не нужен (если, конечно, не съели уже), отдать его Саше Прокушеву в ком. 618, поскольку он его не успел получить, а желанием горел, так что, думаю, он и от фигового не откажется». В отличие от Вас мы такого издевательского тона ни в заявлениях, ни в статье себе не позволяли, а значит, и извиняться нам не за что. А подачки от Л. Лысановой нам не нужны.

Ф. СИМОНОВ,
А. ПРОКУШЕВ,
студенты 4 курса мех-мата.

Кстати...

22 апреля состоялось расширенное заседание ректората с участием деканов, комсодов общежитий, работников УВД г. Перми и Дзержинского района, на котором рассматривался вопрос о состоянии дел в общежитиях. Одно из решений, принятых на ректорате: распределение мест в студенческих общежитиях и вручение ордеров студентам поручить деканатам факультетов.

От редактора...

В «рисовой» теме на этом мы ставим точку. Надоело читать этот бесконечный криминальный роман с продолжением. Если студентов не устраивает профком — поставьте вопрос о его переизборах. Если Л. Лысанову не устраивают студенты — что же, она должна смириться со своей же мыслью о том, что она — не красное солнышко, чтобы всем нравиться. Мы готовы и впредь обсуждать «общажную» и «профсоюзную» темы. Только, пожалуйста, уже без риса.

ВУЗНИТОРИ

НОВИНКИ МИНУВШЕЙ НЕДЕЛИ

● Социальные и гуманитарные науки.

М. К. Мамардашвили. Как я понимаю философию. — 2-е изд., изм. и доп. — М.: Прогресс, 1992.

Первое издание сборника трудов видного современного философа М. Мамардашвили (1930—1990) разошлось мгновенно. Основная тема его работ — феномен сознания, раскрытие духовных возможностей человека... М. Мамардашвили постоянно задавался вопросом — как человеку исполниться, пребыть, войти в историческое бытие.

Н. Верт. История советского государства. 1990—1991: пер. с фр. — М.: Прогресс, 1992.

Книга известного французского историка во Франции вышла вторым изданием и стала университетским учебником. При подготовке русского перевода Н. Верт существенно доработал книгу, доведя описание событий до конца 1991 г. Таким образом, это первая работа, систематически излагающая завершившуюся историю СССР. Книгу отличает объективность, отсутствие пропагандистских и идеологических клише, концептуальная подача материала.

С. В. Бушнев, Г. Е. Миронов. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. Кн. I, IX—XVI вв. — М.: Книжная палата, 1991.

Настоящее издание является первым выпуском в подготовляемом издательством серии книг в жанре популярной историографии.

Ф. И. Штраус. Воспоминания: Пер. с нем. — М.: Международные отношения, 1991.

Франц Йозеф Штраус — одна из самых колоритных и противоречивых фигур в послевоенной Западной Европе. С его именем связана история становления и развития ФРГ. Десятилетия Ф. И. Штраус был постоянной величиной в национальной и международной политике, с которой считались или вынуждены были считаться политические деятели Западной Европы, других стран. По-разному относились и относятся к этой фигуре. По-разному, но только не безразлично. С восхищением, обожанием, пониманием, завистью и ненавистью. Временные рамки повествования охватывают продолжительный период — от 20-х годов до наших дней. Этот период насыщен событиями, которые затронули весь мир.

Ж. Лефрон. Секрет мадам де Помпадур. Пер. с фр. — М.: Мысль, 1992.

Книга известного французского историка и писателя Жака Лефрона — это хорошо документированное сочинение, воссоздающее панораму жизни французского общества XVIII в. В центре повествования — образ маркизы де Помпадур — (1721—1764), фаворитки Людовика XV, оказавшей значительное влияние на политику Франции современной ей эпохи.

Ф. А. фон Хайек. Дорога к рабству: пер. с англ. — М.: Экономика, 1992.

Это самая известная книга лауреата Нобелевской премии австрийского экономиста Ф. Хайека, которая принесла ему мировую славу. В ней исследуются два альтернативных способа организации социальной жизни — рыночный порядок и централизованное планирование.

Как читать финансовый отчет: пер. с англ. — М.: Дело, 1992.

Предлагаемое учебное и практическое пособие впервые переведено на русский язык. Оно дает уникальный материал об американской практике организации финансовых операций и эккаунтинге. Наличие аналитического материала делает книгу чрезвычайно полезной для всех работающих в условиях становления акционерных и совместных предприятий, частных фирм, банков, других коммерческих структур, желающих выйти на мировой уровень ведения бизнеса.

Е. М. Четыркин. Методы финансовых и коммерческих расчетов. — М.: Дело, 1992.

Книга содержит систематизированное изложение методов количественного анализа, необходимого для широкого спектра разнообразных расчетов, с которыми сталкиваются банкиры, финансисты-аналитики, бухгалтеры и экономисты. Книга предназначена коммерческим и финансовым специалистам различного уровня — от менеджеров, принимающих стратегические решения и оценивающих их последствия, до рядовых сотрудников.

Заботы и радости фермера: Практические советы. — М.: Наука, 1992.

В книге, вышедшей более ста лет назад, собрано несколько тысяч полезных советов по сельскому хозяйству. Все они несколько не устарели и могут применяться сегодня. Следуя им, можно выращивать экологически чистую продукцию. Приведено несколько сотен рецептов хранения и переработки мяса, овощей, фруктов, способов изготовления консервов, вин и др.

Год планеты: Экономика. Политика. Бизнес. Из жизни звезд. Вып. 1992. — М.: Республика, 1992.

Книга является первым выпуском нового ежегодного научно-справочного издания. «Год планеты» — преемник «Международного ежегодника. Политика, Экономика», с которым читательская аудитория знакома более трех десятилетий. В книге содержится информация о наиболее важных и интересных событиях 1991 — первых месяцев 1992 г., изменениях в экономической, социальной и политической ситуации как в мире в целом, так и в отдельных странах и регионах. Помещены политические портреты государственных деятелей, очерки из жизни «звезд» и другая информация.

Феминизм: проза, мемуары, письма, эссе: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1992.

Большая часть произведений известных общественных деятелей и литераторов: Ж. Санд, А. Адамс, Г. Ибсена, Т. Худа и других, включенных в сборник, не переиздавалась и оказалась забытой. Эти произведения отражают историю 150-летней борьбы женщин за свои права. Среди проблем, о которых идет речь в сборнике, — брак как инструмент подавления, желание женщины самой распоряжаться своей свободой, экономическая зависимость женщины.

Tête-a-tête

В РОССИИ будет издаваться журнал «Нечто» — переводчики уверены, что именно так русскими буквами пишется английское слово «Природа». Журнал будет выходить ежемесячно (английский аналог выходит ежедневно), и каждый номер стоит пока что 50 рублей. Английские издатели согласны дотировать первые выпуски. Естественно, у наших ученых слишком мало денег, чтобы раскешиваться на литературные новости науки. Лучше купить колбасу и накормить семью...

В УЛЬЯНОВСКОМ ФИЛИАЛЕ МГУ состоялась пресс-конференция с участием Г. Ягодина и В. Саввиничева, руководителей филиала, администрации области и Пензенского совета. Оказалось, что ульяновские власти идут навстречу филиалу: определили финансирование, составили перечень объектов, которые он строит и будет строить. Власти готовы подыскать здание под школу-интернат и под гимназию, а если не найдут — так построить. Похоже, в филиале МГУ давно уже живут при коммунизме...

РОССИЙСКИЙ ПЕДУНИВЕРСИТЕТ (г. Санкт-Петербург) купил 5 га земли в 35 км. от центра г. Сочи и собирается построить там спортивно-оздоровительный комплекс на 460 мест. Остается только возвести, позаботиться и дать совет оздоравливаться по месту жительства.

ГАЗЕТА «Alma Mater» (Томск) ведет разговор о том, что факультеты, в принципе, могут стать самостоятельными. В Уставе Томского университета заложены положения о том, что почти все вопросы решаются на факультетах, а у ректора остается лишь «пожарная» и «централизованная» функция. Факультеты вправе иметь собственный бюджет и имущество, а у руководителей и коллективов возникает чувство хозяина. При раздельном бюджете все уже сами ищут новые источники дохода, а не бегут за ректором. Зато заработанные ими деньги не потеряются в общегосударственном хаосе.

Провид, есть и свои опасности: развал вуза, групповой эгоизм, некомпетентность управленцев и бухгалтеров. Для этого и нужна система сдержек и ограничений. А это значит, что, получая статус юриста и самостоятельность, факультет в нагрузку приобретает еще и ошейник.

В ТОМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ — нововведения. После реконструкции на фронтоне в слове «университет» добавят «Томский государственный» — потому что много разностей всяких технических и медицинских университетов. Мемориальную доску с орденами сдадут в музей, а на месте дореволюционного креста, стоящего при царе на куполе, будет помещен шпиль. Памятнику Куйбышеву подыщут другое место, а на старом восстановят фонтан. Видимо, в ТГУ слова «источник знаний» понимают буквально...

В РОССИЙСКОМ ПЕДУНИВЕРСИТЕТЕ (Санкт-Петербург) успешно работает военная кафедра. Сегодня, кроме командиров взводов, она готовит еще и офицеров-психологов, а в перспективе будет еще и военные переводчики. Руководство кафедры намерено создать военно-исторический клуб, в котором не будет отбоя от желающих.

Кроме того, оказалось, что для того, чтобы пойти работать в вуз на военную кафедру, сегодня офицеру надо не утопить танк или побить солдат, а пройти сложный конкурс, включающий в себя собеседование на кафедре, стажировку и собеседование с ректором. Говорят, что нигде больше стажировка не производится. Может, и у нас не все еще потеряно?

ГАЗЕТА «ДЕННИЦА» (Магнитогорский ГМИ) с удивлением отмечает интересный факт: после мартовских праздников из общежития никого не выгнали — никто не напился. «Или все домой уехали, или никого не поймали», — прокомментировал один из деканов. Мысль о том, что, может быть, просто не хватало денег на выпивку, никому в голову не пришла. Оно и понятно: сказкам о бедных студентах верит сегодня разве что только российское правительство.

ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ПРАВИЛ ПРИЕМА в Томский университет весьма остро встал вопрос о представлении абитуриентам медсправок. Госкомитет по ВШ исключил само упоминание о медсправках, ссылаясь на Декларацию о правах человека. Но есть специальности, для которых существуют медицинские противопоказания. Именно поэтому пока решили справку оставить. А там видно будет — может быть, и выбросят.

В ПГУ справку пока тоже требуют в обязательном порядке. Вероятно, в приемной комиссии считают, что врачи должны отработывать свой хлеб.

У СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ Ульяновского филиала МГУ появилось собственное транспортное средство — новенький «Икарус», доставляющий студентов к вузу не как бог и автотранспортное предприятие на душу положит, а точно к началу очередной пары. Это удобно — по крайней мере, ссылки на «опоздавший автобус» уже не очень-то принимаются во внимание. Другое дело, что, как отмечает водитель транспортного средства, утром автобус ходит почти пустой (студенты любят поспать), а в салоне много нецензурных надписей. Что поделаешь, студенты — это еще те же дети...

АНСАМБЛЬ НАРОДНОЙ МУЗЫКИ Петрозаводского университета встречал Рождество в Вермонте (США). Отправился он туда по приглашению «Проекта Гармония», цель которого — сближение культур. Коллективом же ДК студентов ПГУ судьбой написано, видимо, встретить первамай дома — пусть скажут спасибо, что встречают его не где-нибудь в Чердыни или в Эжыке.

* Андрей Мансветов

Ты теперь выстрада
И уже некуда.
Не надейся на чудо,
Рис поглотил звезда.
Снова тление мысли
И бесплодие слов.
Руки-крылья повисли
И не сбросить оков.
Рокотного сомнения
Не избегнув опять,
Молча ждешь просветленья
И стремления знать.
Но впечатанный в серость
И обаянный рвать
Ты линией измеришь,
Что не сможешь понять.

Горев плачет капелью с ночи,
В декабре, возвращенном к осени.
Грязно-серую грань заточки
Меж домами улицы бросили.
Раздвигая движеньем ошметки
Снега, шеста хамелеонного.
Сам себя забивая в колодки
Сердца города миллионного.
Полусферой спускаясь с крыши,
Небо прессом сжимает город.
Космическое небо выше,
И оно упадет не скоро.
Горев плачет капелью мутной,
Обращаясь в ночной коллоид.
За афишной подорожной тумбой
Мальчик снежную бабу строит.

* Евгения Князева

ДВА ИЛИ ОБА

Два взгляда в сырую вечность,
Промокающую от дождя.
Смешная моя беспечность,
А в этой беспечности — я.
Где странный и чудный ребенок,
Там взрослый с почтительным лицом,
Заплакавший, словно спросонок,
Усталый, заснувший днем.
Тревожит будильником детство,
А взрослость бокошет: «Прочь...»
Такое дурное соседство
Не в силах моих препознать.
Предъявлены временем счета,
Костыльки стучат по лицу.
А я все шепчу ему: «Что ты,
Наверно, я просто расту».

ВЕСЕННЕЕ ОТКРОВЕНИЕ

Ах, март,
Ты задыхаешься в капели,
В до серости безумной, мутно
Дрожишь и знаешь, что отпели
Тебя минутно.
А с неба синьку топят лужи,
Смотрю в их гладь, на глубину.
И мертвые там вижу души,
Чьи корабли спешат ко дну.
Потоплены витые строки
В тьму вишневой ночи
Сквозь них растаяли пророки
В ручьи.
Грехи нарушившей молчанье,
Слетевшей каплей с теплых уст,
В ней нинше очарованье,
Мир пуст.
И ветвь изящная влекома,
В нелестности чужой обнажена.
Умыта в дни последнего излома
Весна.

ВСЕ ЛЮДИ РАЗНЫЕ и каждый человек особенный, а поэты — своего рода сумасшедшие, но сумасшествие их не массового характера и опасности для окружающих не представляет.

Хочу вам представить студентов-первокурсников: Андрей Мансветов — геологический факультет, Лилия Бляйберг и Евгения Князева — филологический факультет. Андрей и Евгения, кроме того, стали учиться и на философском отделении социально-гуманитарного факультета. Все трое — члены литературного объединения «Тропа» во Дворце творчества юных (бывшем Дворце пионеров). Пишут стихи. Они тут поправляют меня: «пытаясь писать».

Как давно ребята начали писать стихи? Андрей ответил спокойно: «Как все нормальные люди — с детства». Создание стихов — процесс камерный, интимный, но стремление общаться привело всех троих в разное время в объединение. Политика исключена. Чтение стихов и последующих их анализ в довольно категорической форме: «разгром или метание помета и банановых шуток, если стихи удачные». Ничего себе общение. «Они меня ругают — я совершенствуюсь». Но мнение свое можешь изменить под воздействием критики? — Нет.

Увлечение членом литобъединения весьма разнообразно. Андрей и Женя занимаются авторской песней, но лишь совсем недавно узнали об этом общем увлечении. Теперь поют и играют вместе. Андрею однажды пришла идея написать песню вместе с Женей. Попробовали. Конфликты возникали по самым незначительным поводам: не гладкая рифма, не тот аккорд, вспоминают они с улыбкой, но итогом их совместных усилий стали несколько написанных песен. И вообще, оказывается, полустушевский конфликт — это нормальный стиль общения.

В 1992 году Андрей, Лилия, Женя решили издать свои стихи. Хотя первоначально это было задумано как отчетливый наскоро единственный журнал — подарок Ф. С. Вострикову — руководителю творческого объединения «Тропа», а лишь позднее, волею случая, появился этот сборник. Сборник под названием «Общая тетрадь».

Женя стихи все отпечатала, Андрей проиллюстрировал сборник, Лилия нашла спонсоров, благодаря которым сборник «Общая тетрадь» увидел свет. Лилия — самый плодовитый автор. Она очень эмоциональна, подвижна, своенравна. И стихи ее — как всплеск, динамичны, с большой амплитудой эмоций и настроения.

Женя — милая, негромкая, имеет редкий дар слушать. У Жени мама — и друг, и учитель. Вместе с ней Женя выпускает дома ежемесячный рукописный журнал. Стихам ее присуща широкая палитра цветов, наряду с философским осмыслением жизни в них присутствует лиризм, и какой-то очень добрый, анимальный и сострадательный взгляд. Андрей — довольно замкнутый человек, его не назовешь экстравертом, он ироничен, весьма сдержан. Его интересуют человеческие отношения. В стихах своих он остается художником, хотя стихи писать начал раньше, чем рисовать. Андрей — художник-самоучка, преимущественно график. Хотя в последнее время больше рисует красками, так как тушь в магазинах не купишь.

Сборник «Общая тетрадь» продается в книжных киосках университета. Все авторы являются победителями конкурса памяти Валерия Деметриева, часто выступают по радио.

И. ХАЛТУРЕНКО.

* Лилия Бляйберг

Последний троллейбус с ночного вокзала
Уходит сквозь тьму в паутину дождей.
Вот я, вот гитара и мира не стало,
Не стало прохожих,
машин,
фонарей.

И пусть зазвонят вековые струны
И небо забьется в истерике гроз.
И будет все — танец торжественно лунный,
И будет все — пыль недоверчивых грез.
И кончится жизнь — вереница страданий,
И миг разлетится на сотни веков.
Последние капли божественной дани
Верну — и избавлюсь от этих оков.

МЕЧТА

Я искала тебя среди звезд;
Я не знала тебя в лицо.
Мне мечту Млечный путь принес,
И взошла она на крыльцо,
И в мою постучала дверь,
Я боялась ей открывать.
Но она мне сказала: «Верь,
Помогу тебе выжить.
Если трудно, зови меня.
Одинока? Пиши. Я жду.
Затоскуешь, судьбу кляни.
Позвони, я тебя найду...
Самый слабый услышу стон».
«Что ж, спасибо», — был мой ответ.
А тебе такой снился сон?

18 МАЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ МУЗЕЕВ

Редакция газеты поздравляет всех сотрудников университетских музеев с их профессиональным праздником. Сегодня вряд ли кто помнит, что музеем истории университета в этом году исполнилось двадцать лет — так мы привыкли к нему и к его постоянным выставкам. По этому случаю мы обратились к директору музея Александру Сергеевичу Стабровскому.

— В нашей газете мы постоянно информируем о вашей работе, о всех выставках, проходящих в музее, а то интересное сейчас вы можете рассказать?

— Во-первых, я недавно вернулся из Сыктывкарского университета. — А что, теперь там центр музейного дела?

— Мне понятна ваша шутка... но если серьезно, то между музеем истории ПГУ и музеем истории просвещения Коми края есть договор о сотрудничестве, по которому мы оказываем научную и методическую помощь... Ректор Сыктывкарского университета выделил новые площади для музея (бывший актовый зал). Это очень существенное дополнение для музея, и, естественно, встал вопрос, как разумнее распорядиться им. Моя задача была в том, чтобы разработать экспозиционную архитектуру так, чтобы как можно интереснее показать материал и что-

бы все было рационально — это первое. А второе, — это предложить некоторые свои идеи (с которыми давно ношуся) по театризации музея, т. е. по созданию центров образов... Несмотря на то, что музейное дело — наука более чем консервативна, но и она развивается, насыщается новыми идеями... Мои предложения нашли понимание и мне предложено стать главным экспозиционером...

— Но ведь это же скучно — расставить экспонаты, повесить этикетки...

— Ха! Нельзя так примитивно. Экспонирование — это наука, искусство и, если хотите, — драматургия... И главное, — это очень интересно, но это отдельный разговор...

— Вас, наверное, поразила объем площадей?

— Конечно, завидно. Но я думаю, что и на нашей улице когда-нибудь будет праздник и возможность в своем музее претворить свои идеи. В идеале было бы прекрасно иметь единый музейный комплекс, включающий все кафедральные музеи...

— Это действительно было бы разумно. И я желаю вам свершения ваших планов. Я слышала, что вы возили в Сыктывкар еще и выставку?

— Да. В лучших традициях университетских музеев — просвещение. Мы уже возили в Сыктывкарский университет выставку «Из коллекций художественного фонда» — и она имела успех, но нынче успех был небывалый: за пять неполных дней

выставку посетило около двух тысяч человек — это студенты, школьники, сотрудники университета, летчики, таможенники, и вообще, жители города проявили небывалый интерес. Достаточно того, что информация прозвучала во всех газетах и по трем программам телевидения. Даже в «Вестях» корреспондент по Сыктывкару давал сюжет о ней.

А выставка «ИЗ ИСТОРИИ МЕДНОГО ЧЕКАНА» была подготовлена Родионом Вильдановым, бывшим студентом исторического факультета ПГУ.

Дополнением к нашей выставке была коллекция бумажных денег, присланная из Санкт-Петербурга из музея истории технологического института, а также несколько небольших частных коллекций сотрудников сыктывкарского института.

— Если так много народа прошло, то сколько же экскурсий вам пришлось провести?

— Я работал только в день открытия — затем экскурсии проводили сотрудники музея истории просвещения Коми края, под конец они буквально валились с ног от усталости, но истинным наслаждением для них было интерес и внимание посетителей, искренне желающих познать новое.

— Спасибо. А какие новые выставки ждут нас и как скоро?

— Скоро будет новая выставка.

— И какая?

— Следите за рекламой!

Беседовала А. ДОДЕ.